

На этот раз Чи Хао запаниковал по-настоящему. Он обернулся к дальнему лесу. Где стрелы? Где отравленные стрелы? Почему их нет!

Он не видел, что в глубине леса Вэн Минь неспешно протирал свой клинок. Его белоснежные одежды оставались безупречно чистыми. Закончив, он бросил запачканный платок.

«Решился устроить такую засаду... Неужели думал, что я только книжки читаю?»

Среди тысяч воинов Хо Янь вновь собрал силы. Одинокий всадник прорвался сквозь ряды Армии Стражей Севера и врезался в строй Северных Ди. В конце концов, он даже спешился и, прыгая и переступая через головы, наконец достиг Чи Хао.

Меч Чи Хао не успел подняться, как был выбит из рук. Затем длинный клинок Хо Яня с силой пронзил плечо Чи Хао, намертво пригвоздив его к земле!

Невероятно жестоко!

«А-а-а!» — вырвался крик у Чи Хао, лицо его мгновенно побелело.

Хо Янь прищурился, и голос его стал словно лезвие, скребущее по кости: «Если я ранил тебя однажды, смогу и дважды, и трижды! Твоя жизнь принадлежит мне!»

...

Сам Хо Янь ещё не вернулся, но раз он жив, а ключевые события миновали, скрывать это больше не имело смысла.

Все жители Цзююана знали: их князь снова отличился, одержав победу за победой, разгромив армию Северных Ди и покалечив их четвёртого княжича. Если бы не тот успел отравиться в решающий момент, князь наверняка прикончил бы его.

Резиденция князя — Стража Севера также получила донесение о победе. Однако, поскольку боевые действия прекратились, оставалось много работы по обустройству, требовалось несколько дней на отдых и приведение войск в порядок, прежде чем Хо Янь смог бы вернуться.

Горожане ликовали. Мелкие торговцы вновь открыли лавки, некоторые даже раздавали товары бесплатно. Вся резиденция князя — Стража Севера гудела от радости, повсюду развесили красный шёлк и фонари в честь праздника. Всё равно скоро Новый год — убирать их не придётся!

Малыш Хо Цзе совсем отбился от рук, Наставник Линь едва успевал за ним. К счастью, резиденция была обширной, а горожане знали его в лицо. Поскольку вражеского вторжения не предвиделось, мальчишка мог играть сколько душе угодно — потеряться он не мог.

Девочка Хо Юэ была занята подготовкой к Новому году. Несмотря на юный возраст, она прекрасно справлялась с домашним хозяйством и понимала, как важно награждать воинов. С момента окончания осады в резиденции не прекращались пиршества.

Вдовствующая великая княгиня наконец полностью успокоилась, отпустила все заботы и безмятежно проспала два дня. Хотя болезнь отступала медленно, и лекарства нужно было принимать дальше, силы её уже значительно вернулись — казалось, через несколько дней она полностью поправится.

Братья Мэн всё ещё оставались в резиденции. Мэн Чжэнь не хотел расставаться с Гу Тином, а точнее — с его целебными отварами и блюдами. Каждый день он с нетерпением ждал, особенно вечерней трапезы. Если Гу Тин не появлялся, он и есть отказывался. Мэн Цэ не знал, что делать с младшим братом, но, учитывая, что от Гуцзана до Цзююана недалеко, решили подождать возвращения Хо Яня и тогда уже уезжать.

Братья стали в резиденции своеобразным украшением. Младший не отлипал от старшего, старший опекал младшего и никому не позволял над ним подшучивать. Младший обожал стряпню Гу Тина, отчего старший ревновал. Видя, как его обычно строптивый братец послушно следует за Гу Тином, ходит за ним по пятам, а то и присаживается на скамеечку рядом, подперев щёки, в ожидании угощения... взгляд старшего становился всё кислее. Он то и дело бросал на Гу Тина взгляды, в которых мелькала едва сдерживаемая досада. Но стоило блюдам Гу Тина появиться на столе, как он уплетал их не меньше других, а взгляд его становился таким же жаждущим, как у брата.

Увы, старший брат не имел ни малейших кулинарных способностей. Однажды он чуть не спалил кухню, и Гу Тин впервые грубо выставил его за дверь, запретив впредь переступать порог, заявив, что если уж очень хочется практиковаться — пусть делает это у себя дома.

Старший брат был удельным князем, ответственным за свой удел и оборону его границ. Любя военное искусство, он проводил на тренировочном плацу куда больше времени, чем где-либо ещё: то сражался с Наставником Линем и Вэй Ле, то упражнялся (или издевался) над новобранцами. Младший брат, наблюдая за этим, сперва смотрел с восхищением, глаза его горели, но постепенно губки надувались, и он ворчал: «Подумаешь, умеет драться!» После чего прилипал к старшему ещё сильнее, чем прежде, чем несказанно тешил того.

Гу Тин, наблюдая эту картину, лишь вздыхал, но находил её занятой. Счастье не имеет единого облика. То, что приносит радость, что греет душу, что даёт удовлетворение, — и есть хорошая жизнь.

Он не забывал и о других новостях. В такое время любые необычные сведения требовали внимания. Например, старый евнух, прибывший вместе с Ю Дачунем, по имени Ли Гуй, как доложили снизу, разыскивал какую-то книгу.

Гу Тин насторожился и велел привести того: «Какую книгу он ищет?»

Солдат почесал затылок: «Точно не знаю, но вроде как книгу о путешествиях? Названия не называл, расспрашивал очень осторожно».

Гу Тин тут же прищурился. В другое время, в другом месте, с другим человеком он бы не придал этому значения. Но здесь, в Цзююане, после хаоса большой битвы, когда он столь удачно «случайно» заполучил у воришки книгу, которая в прошлой жизни оказалась чрезвычайно важной... И вот теперь кто-то другой разыскивает книгу о путешествиях, да ещё и евнух, человек из императорского дворца, где информация течёт рекой.

О книге «Путешествие человека из Ли», лежавшей на дне сундука, Гу Тин знал не так много, лишь то, что она очень важна. А значит, и ситуация была необычной.

Подумав, он вызвал У Фэна: «Тайно последи за евнухом Ли Гуем. Выясни, с кем он встречается, что делает... Главное — чтобы не заметил».

Прошли ещё дни, и даже назначенный срок миновал, а Хо Янь всё не возвращался.

Больших сражений не было, вокруг царил покой. Почему же он не едет? Гу Тин, нарезая овощи, случайно порезал палец. Алая кровь выступила на поверхности. Почему-то его охватило дурное предчувствие.

Внезапно в комнату ворвался Мэн Чжэнь, забыв о всяких приличиях, в крайнем волнении: «Гу Тин, Гу Тин! Беда, я обнаружил нечто ужасное!»

Когда сердце и так не на месте, а друг кричит о беде...

У Гу Тина ёкнуло внутри, и он инстинктивно вскочил: «Что ты обнаружил?»

«Мёртвых!» — сжал кулачки Мэн Чжэнь, лицо его стало серьёзным. — «Я нашёл мёртвых!»

Гу Тин нахмурился. Что особенного в мёртвых? Звучало жестоко, но в нынешнем Цзююане после войны мёртвых хватало — и в городе, и за его стенами. Ничего необычного. Мэн Чжэнь вырос в иной среде, повидал на полях сражений куда больше — не станет же он кричать из-за нескольких тел. Значит...

Сердце его пропустило удар: «Мёртвые были необычными?»

Мэн Чжэнь кивнул: «Да! Кажется, они были отравлены!»

Кажется? Гу Тин напрягся, инстинктивно шагнул вперёд, взгляд его стал пристальным: «Расскажи подробнее».

Мэн Чжэнь сжал губы: «Сегодня утром мне стало скучно, я упросил старшего брата прокатиться с ним за город. И там мы увидели несколько тел, которые выглядели очень странно». Он слегка склонил голову, припоминая. «Тела разлагались слишком быстро, сочилась трупная жидкость, кроме лица и рук — ни одного целого места. Я почувствовал неладное. Хотя после битвы не хватает рук, чтобы убирать тела, но сейчас зима, вода замерзает, тела должны были бы промёрзнуть, а не гнить так быстро».

«Я подошёл ближе, внимательно осмотрел. Одно тело разложилось сильнее всех, тела вокруг тоже имели схожие признаки, но в разной степени. Чем ближе к тому телу — тем сильнее. Я подумал, что это, возможно, яд, но точно утверждать не могу...»

Гу Тин: «Эта неизвестная отравка... передаётся?»

Но если она передаётся только от тела к телу, почему Мэн Чжэнь так встревожен? Глаза Гу Тина сузились, он глубоко вздохнул: «Этот яд... может передаваться и живым, да?»

Мэн Чжэнь прикусил губу: «Я не уверен, живых с такими симптомами не видел. Но вокруг тел мы нашли много трупов мелких зверьков... птичек и мышей».

На поле боя убивают людей, а не животных. Внезапное скопление множества трупов животных в одном месте явно указывало на неладное.

Сердце Гу Тина ёкнуло, и одна мысль внезапно прояснилась.